

УДК 82.0

Жаркова, В.И.,
кандидат филологических наук, доцент, КГПИ
Сартаева, С.А.,
студентка 2 курса специальности
«Русский язык и литература»,
КГПИ, г. Костанай, Казахстан

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ АБАЯ

Аннотация

В статье рассматривается влияние русской литературы на художественные устремления Абая – великого классика казахской литературы. Обращается внимание на степень разработанности темы в историко-литературной науке, прослеживаются и анализируются творческие связи Абая с литературным наследием А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена.

Ключевые слова: диалог культур, перевод, мотив, лирика, традиция.

1. Введение.

В развитии литературы и культуры казахского народа исключительную роль сыграло творчество Абая Кунанбаева – классика казахской литературы, композитора, выдающегося общественного деятеля, горячего поборника дружбы русского и казахского народов.

Чем дальше вглубь истории уходила эпоха Абая, тем острее осознавалась необходимость изучения его многогранного наследия. Первыми за эту работу взялись литературоведы, значительно позднее педагоги.

В Казахстане написано немало исследований об Абае Кунанбаеве как великом поэте, мыслителе, просветителе, демократе дореволюционного периода. Это работы М. Ауэзова, К. Бейсембиева, Е. Бекмаханова, О. Сегизбаева, Б. Габдуллина, С. Зимнова, А. Маргулана, С. Муканова, М. Сиченко, Н. Смирновой и др.

В раскрытии педагогических взглядов Абая следует отметить работы таких казахстанских ученых, как Т. Тажибаев, К. Жарикбаев, Х. Суюншалиев, А. Казыбаев, Э. Нильдибаев, А. Сембаев, С. Срымбетов и др. Однако их исследования касались лишь отдельных аспектов его педагогического наследия. В данной работе оно раскрывается в комплексе. Педагогические взгляды Абая формировались в условиях феодально-родового строя, отдаленного от нас целой исторической эпохой.

2. Материалы и методы.

Методология исследования predetermined поставленными задачами, для решения которых были использованы следующие общепилологические и частные методы: сравнительно-исторический, описательный, системный.

3. Обсуждение.

Культура великого русского народа, замечательные произведения русских писателей-классиков сыграли первоначальную роль в формировании общественно-политических и литературных взглядов Абая, помогли ему подняться на такую духовную высоту, на которой только и могла определиться подлинная творческая сущность великого казахского поэта.

Общение с русской культурой ознаменовало великий поворот в жизни Абая, начало важнейшего периода в его поэтической деятельности. Именно в русской литературе нашел Абай ответы на все животрепещущие вопросы, выдвинутые историческими условиями жизни казахского народа.

Николай Анастасьев – российский критик и литературовед – в своей книге «Абай: Тяжесть полета» справедливо утверждает, что именно русская литература стала посредником Абая в общении с Западной Европой, и мы не можем с этим не согласиться.

Анастасьевский Абай – не только сын Великой Степи, борющийся за просвещение и процветание своего народа, но и собеседник Пушкина и Гёте, Шекспира и Декарта, наравне с ними входящий в пантеон великих деятелей мировой культуры.

В 1890 году Абай начал работу над записями, которые вскоре сложатся в «Слова назидания». В середине этой медленной мудрой речи, в «Слове двадцать пятом», прозвучит ясный призыв к современнику-казаху:

«Наука, знание, достаток, искусство – все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русских язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

... изучай культуру и искусство и русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче.

... узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты и этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения» [4, с. 171].

Звучит решительно, но легко ли было Абаю выговорить такие слова, остается для нас загадкой. Автор статьи «Типология творчества Пушкина и Абая» Ф.Е. Исмаилова пишет: «Подавляющее большинство современников Абая, да и многие сейчас живущие его потомки не понимают и не принимают этого завета Абая, что делает маргинальность личности и творчества поэта поистине трагической» [9, с. 36]. Во всяком случае, отметим, что в проповедническом пафосе слов Абая полностью растворена катастрофическая (вот еще один потаенный пласт той муки, которую испытывал Абай, пробиваясь к русскому слову) нецельность его отношения к России. Он готов был стать подданным, даже верноподданным империи русского духа, воплощенного в стихах Пушкина и в прозе Льва Толстого. «Отныне моя священная Кааба поменяла место: Восток для меня становится Западом, Запад переместился на Восток», – так говорит Абай «романный», вновь совпадая с Абаем «реальным», и под Западом оба они разумеют Россию.

Человек, выросший на преданиях и песнях казахского народа, вчитываясь в русские тексты, признает братьев по духу, ибо в России, как известно, литература тоже всегда была не только литературой, но и защитницей сырых, униженных и оскорбленных, а также философией, историей и чуть ли не юриспруденцией, словом, – царством духа, просвещения и свободы. При этом, если не сама Россия и даже не сама русская культура, то русский язык впрямь стал для него путеводной звездой, открыв не только Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Толстого, но и Гёте, Байрона, Гейне, Мицкевича, Монтеня и других.

Не будь этого решающего фактора – благотворного влияния русской культуры – Абай не смог бы стать тем, кем он стал для казахской литературы; точнее, Абай не смог бы сыграть в истории казахской литературы ту же роль, какую сыграл А.С. Пушкин в русской литературе. В лучшем случае Абай оставался бы просто талантливым акыном среди людей своего рода, не преодолел бы рамок казахской устной поэзии и восточной литературы.

Вторая половина XIX века отмечена проникновением в казахскую степь капиталистических отношений, разложением феодального уклада жизни аула, расширением политического и культурного общения народов друг с другом, особенно казахского народа с русским народом. Ставилась историческая дилемма о том, с кем и как должен идти казахский народ.

В решении этой дилеммы ясный ум и историческое чутье не обманули прозорливого Абая.

Он, как истинный выразитель чаяний своего народа, увидел единственно верный путь, по которому должна идти казахская степь: путь сближения с Россией – с Россией Ломоносова и Пушкина, Белинского и Чернышевского, Толстого и Щедрина, путь соединения судеб казахского и русского народов.

Вот почему Абай отважно вступил в единоборство со всем косным, консервативным, реакционным, что тормозило социальное и культурное развитие края, что сбивало казахский народ с пути сближения с русским народом. Вот почему Абай, так страстно полюбивший

русскую литературу, и видел в ней великую общественную силу, стал первым пропагандистом и популяризатором лучших произведений русских писателей среди казахского народа. И прежде всего он обратился к Пушкину.

В понимании Абая Пушкин был поэтом, в творчестве которого ярко обнаружилось величие духа русского народа.

Такен Алимкулов, литературный критик, абаевед, писатель советского периода, объясняет, почему Абай пришел к «Евгению Онегину»: «Абаю нужен был эпохальный, летописный, многопластовый образец. В этом плане он выбрал роман «Евгений Онегин», который по праву называли «энциклопедией русской жизни» [3, с. 85]. Образы, отнесенные в русской литературной жизни к «лишним людям», пришлись по душе Абаю, особенно Онегин. Вот почему он переводил отрывки из романа «Евгений Онегин».

В переведенных отрывках из «Евгения Онегина» с соответствующими вставками самого поэта, Абай обнаруживает удивительно глубокое понимание идейно-художественной сущности пушкинских образов и воссоздает их в прекрасных стихах на казахском языке, в понятной и близкой казахам форме. В науке известно, что Абай перевел семь отрывков из «Евгения Онегина» Пушкина. Ф.Е. Исмаилова указывает, что «его переводы настолько вольны, что их можно считать адаптацией, даже стилизацией. Характерно, что лучшей адаптацией является письмо Татьяны, исполненное в жанре «назира» являющееся вольным переводом или вдохновенным поэтическим переложением» [9, с. 37].

М. Каратаев, автор книги «Свет русской культуры», предполагает, что перевод многих отрывков отличается большой вольностью, отступлениями от оригинала. Он считает, что это скорее талантливый пересказ пушкинского романа, нежели перевод в настоящем смысле этого слова. Ученый пишет: «Есть, однако, и такие отрывки, где Абай очень близко подходит к оригиналу и дает блестящий образец безупречного перевода. Таковы характеристика Онегина, письмо Татьяны, монолог Ленского. Строго реалистическая художественная трактовка Пушкиным Онегина, тончайшая обрисовка пленительного образа Татьяны, являвшейся, как говорил сам поэт, его «милым идеалом», сохранили в творческом переводе Абая всю прелесть и обаяние» [7, с. 53].

По мнению М. Каратаева, Абай перевел лишь отдельные места пушкинского романа, применяя в первую очередь наиболее близкие для казахского понимания мотивы, в то же время следует отметить, что есть и другие мнения. К примеру, в статье «Вершина Абая» С. Абдрахманов, автор таких книг, как «Біздің Пушкин» и «Тәуелсіздік шежіресі», высказывает предположение, что великий казахский поэт сделал полный перевод. Доказывает он это тем, что распространители творчества Абая излагали «Евгения Онегина» как в поэтической, так и в прозаической форме, что позволяло слушателям вникать во все нюансы и сложности романа. «Как бы то ни было, – справедливо замечает, С. Абдрахманов, – казахские читатели и слушатели того времени, благодаря переводам Абая, знали не просто отдельные отрывки романа, а всю его сюжетную канву» [5, с. 104].

Следует указать, что пушкинские образы настолько взволновали казахского поэта, что он сложил мелодии на письма Татьяны и Онегина. Благодаря этому, пламенные пушкинские слова на крыльях песни облетели необъятные просторы казахских степей, а милая Татьяна – эта «русская душою» женщина – заняла почетное место в сердцах казахской молодежи, стала светлым идеалом для казахских девушек.

Так великий русский поэт шагнул через огромные пространства в далекие казахские аулы, сроднился с казахским народом, освещая своим гением духовный мир трудящихся масс степи.

Могучий дух пушкинской поэзии озаряет все творчество Абая зрелых лет. Понимание высокого назначения поэта, глубокая идейность, богатство мыслей, искренность высоких чувств, патриотизм и народность – все это составляет неотъемлемые качества и абаевского творчества.

Как и Пушкин, Абай посвятил целый цикл стихотворений вопросу о роли поэта и значению поэтического слова в общественной жизни.

В одном из стихотворений этого цикла Абай писал:

«Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих,
Для чутких слухом, сердцем и душой».

Как и Пушкин, так и Абай видели цель своей деятельности в беззаветном служении народу.

Если Пушкин говорил:

«...Неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...», –
то и Абай с понятной гордостью заявлял:
«Народу отдал я любовь».

Абай, подобно Пушкину, постоянно говорил о высоком долге поэта перед народом, поэта, призванного вынести приговор социальной несправедливости, обвинить извращенный в классовом обществе облик человека и воспитать в нем сознание всего величия слова Человек.

Абай, начиная с 80-х годов, переводит ряд произведений русских классиков. Он для перевода берет только те произведения, которые находят отклик в его душе, чем-то родственны ему, по-своему его волнуют. В этот период в поэзию Абая властно врывается свежая лермонтовская струя, новая, сильная, облагораживающая линия русской классической литературы.

К Пушкину в конце жизни он больше не возвращается, а поэзия Лермонтова владеет им все сознательные годы творчества. По подсчётам ученых, Абай перевел около 30 стихотворений Лермонтова.

Среди произведений Лермонтова, к которым Абай обращался, мы встречаем:

- с политическими мотивами – «Бородино», «Дума», «На буйном пиршестве задумчив он сидел»;
- стихотворения пейзажной лирики – «Горные вершины», «Дары Терека», «Утес», «Парус»;
- выражающие гражданскую роль поэзии – «Не верь себе», «Кинжал», «Журналист, читатель и писатель»;
- изображающие лирические переживания автора, глубоко родственные Абаю: «Еврейская мелодия», «Пленный рыцарь», «И скучно и грустно», «Нет, я не требую вниманья», «Я не хочу, чтоб свет узнал», «В минуту жизни трудную», «Выхожу один я на дорогу», «Звуки».

Также встречаем мы и такие произведения, как «Вадим» и «Демон».

Нельзя сказать, что большинство стихотворений Лермонтова, переведенных Абаем, романтического характера. Симптоматично, что Белинский даже в самых его романтических произведениях находил черты реализма.

Абай рассматривал произведения Лермонтова как отражение своей собственной натуры. «Если он переводил на казахский язык стихотворения таких поэтов, как Лермонтов, то делал это не только из-за того, что они нравились ему внешней красотой. А потому, что чувствовал в них особую близость к своему сердцу, к духу народа, особое соответствие своему социально-эмоциональному состоянию и своей фантазии. Поэтому переводы получились как отражение грустной печали, беспокойного биения собственного сердца поэта» [1, с. 55].

Но надо отметить, что Абай очень серьезно относился к переводам произведений русских поэтов. Прежде всего, он стремился проникнуть в их глубинный смысл. И в художественном отношении его переводы максимально приближаются к оригиналу. Абай считал полноценным лишь тот перевод, который «ласкает слух и согревает душу».

В лермонтовских стихах Абай находил отклики своим собственным мыслям, чувствам, своему отношению к окружающему миру. Как и у Лермонтова, у Абая поэзия была как мощный, пронзительный и набатный крик души.

Духовная близость поэта и переводчика обеспечила высокое качество перевода. Абай чутко улавливает не только содержание, идейный характер стиха, но и его форму, стремясь к наиболее точной передаче главнейших особенностей классических образцов русского поэта. «Дух и своеобразие лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем», – верно подметил известный казахстанский переводчик Г. Бельгер [6, с. 123].

По мнению З. Ахметова, автора научного эссе «Абай и Лермонтов», историческими факторами, обуславливающими связь Абая с творчеством Лермонтова, являются: укрепление связей казахского народа с русским народом, нарастание интереса в передовой части казахского общества к русской культуре, упрочение дружбы между двумя народами [5, с. 45].

Автор также отмечает: «Абай с особым трепетом относился к поэзии Лермонтова. Он был особенно близок к русскому поэту, в духовном родстве с ним. Не будет преувеличением сказать, что проникнувшись симпатией к русской поэзии, Абай наибольшее духовное созвучие обнаружил именно в Лермонтове» [2, с. 177].

Нельзя не согласиться и с выводами Халима Садыкова. В своей статье «Они жрецы единых уз...», он утверждает, что Лермонтова и Абая объединяют бескомпромиссность, нетерпимость ко злу, которую они демонстрировал в своей жизни. И они были, в сущности, одиноки, если иметь ввиду гражданское и духовное развитие Абая. Не случайно в романе М. Ауезова появляется образ могучего, стоявшего одиноко в степи чинара, символизирующего трудную, полную драматизма жизнь поэта» [8, с. 130-131].

Мотив одиночества и конфликта со своим окружением проходит красной нитью через творчество Абая:

«Как кляча, я устал в дороге долгой,
Я гость своих детей, своей жены.
И вижу я, никем не сбитый с толку,
Все тот же он, народ моей страны».
Это почти по Лермонтову:
«Прощай, немытая Россия:
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ».

На наш взгляд, Лермонтов и Абай – поэты, органически близкие, родственные по самому духу своего творчества. Они близки друг другу по гражданственному темпераменту, бойцовскому характеру, по неумению скрывать свою душевную боль и страдания. Того и другого глубоко интересовала судьба молодого поколения, его настоящее и будущее.

Такой же точки зрения придерживается и Н. Анастасьев: «Абая привлекал неукротимый пафос гражданственности, демократизм, народолюбие, сочувствие сырым, униженным и оскарбленным».

Один из лучших представителей передовой русской литературы, Лермонтов озарял путь творческому развитию Абая, помогал идейно-художественному формированию его творчества. В эпоху Абая передовые люди, как и сам казахский поэт, уже осознали, что русская наука, русская литература – это «ключ к жизни». И ища ответы на сложные вопросы, которые ставила перед ним жизнь переходного периода, когда происходила усиленная ломка старого, Абай – просветитель и поэт – постоянно обращался к Лермонтову, к его произведениям. Живая жизнь, вопросы, поставленные перед самой казахской действительностью, приводили его к осмыслению творчества Лермонтова.

Абай – человек перелома, ему выпало жить во времена, когда рушился тысячелетний порядок степной культуры и завязывались новые отношения и новый устав жизни. Абай является фигурой этого перелома. Эта катастрофа, страшная и благодетельная в одно и то же

время, запечатлелась в его духовном облике, в его поэзии и мысли. Таким же является и русский художник слова А.И. Герцен.

Герцен, который, как мы знаем, также входил в круг чтения Абая, был для него спутником и в какой-то мере наставником, удостоверил это со всей определенностью.

Н. Анастасьев заметил, что для Абая самоощущение Герцена было отрадно, ибо, неизбежно вовлекаясь в ранообразные тяжбы племен и родов, он, по существу, всегда ценил согласие; человек перелома, он предпочитал собирать камни, а не разбрасывать их.

Быть может, Абай и не читал «Философских писем», но и в этом случае с готовностью принял бы суждение Герцена, которое автор «Былого и дум» высказал: «Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел и волости, управляющиеся сами собой, – это все краеугольные камни, на которых соиздается храмина нашего будущего свободообщинного быта. На эти краеугольные камни – все же камни... и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте».

Абай – практический человек, Абай – водитель кочевого народа, занятый устройством, а, вернее, переустройством быта людей степи, – понимает язык своего современника, русского интеллигента, который, совсем, должно быть, о том не подозревая и толкуя об устройстве русского мира, на самом деле задевает коренные интересы иного, столь на него не похожего, жизнеустройства. Просто слова другие, а понятия – те же: сходка, села, волости.

По мнению Н. Анастасьева, Герцен сменил Пушкина, который чем дальше, тем больше увлекал Абая своей двойственной натурой русского европейца. Автор предполагает, что в «Былом и дум» угадано несчастье Герцена и Абая – беда разрыва со временем и страной, народом.

Сходно выстроен и порядок «Слов», хотя в них роль сюжета, в отличие от «Былого и дум» и «Поэзии и правды», вообще исчезающее мала. Как и Герцен, Абай в предисловии к «Словам» уведомляет читателя, что единственным содержанием книги является сам автор.

4. Выводы.

Наше исследование показало, что именно русская литература, русская культура сыграли значительную роль в формировании художественной системы великого поэта. Освоение русской литературы ознаменовало собою переломный момент в истории казахской литературы.

Национальное самоопределение поэта невозможно без взаимоопределения с другой литературной средой, без осознания единства человеческой культуры. Национальное своеобразие, самобытность сильнее ощущается во взаимодействии, в диалоге культур. Родство Абая и русских классиков выражено в новом понимании личности как микрокосме, связанного с уникальной Вселенной.

Абай своим творчеством открыл дверь в мировую культуру, расширил общность культурного пространства казахской и русской литератур.

Список литературы

- 1 Ауезов, М. Әр жылдар ойлары [Текст] / М. Әуезов. – А.: Қазақ мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1959. – С. 55.
- 2 Ахметов, З. Абайдың ақындық әлемі [Текст] / З. Ахметов. – А.: Ана тілі, 1995. – С. 177.
- 3 Әлімқұлов, Т. Жұмбақ жан [Текст]: литературная критика, исследование / Т. Әлімқұлов. – А.: Жазушы, 1993. – С. 221.
- 4 Анастасьев, Н. Абай [Текст]: Тяжесть полета / Н. Анастасьев. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 171.
- 5 Ахметов, З. Абай и Лермонтов [Текст]: Эссе / З. Ахметов. – А.: Арда, 2008. – С. 45. Вершина Абая [Текст] / С. Абдрахманов // Простор. – 2006. – №7. – С. 104.
- 6 Бельгер, Г. Земные избранники (Гете и Абай) [Текст]: Литературно-критические очерки-эссе / Г. Бельгер. – А.: Жазушы, 1995. – С. 123.
- 7 Каратаев, М. Свет русской культуры [Текст] / М. Каратаев. – А.: Казахстан, 1975. – С. 53.